

КОМНАТА БЕЗ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

АРТЕМ РУДИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р83

Иллюстрация на переплете художницы ENOTICH

Рудик, Артем Александрович.
Р83 Комната без хороших людей / Артем Рудик. — Москва :
Эксмо, 2025. — 272 с.

ISBN 978-5-04-211109-9

Это весьма примечательный дуэт: хитрый лис благородных кровей и угрюмый койот, прошедший горнило Первой мировой. Но даже им, бесстрашным агентам ВЧК, будет нелегко в затянутой кроваво-красным кумачом столице Советской России. Ведь кроме голода, разрухи и бандитизма напарникам предстоит столкнуться с жуткими тайнами общества проклятых. Смогут ли холодная голова и горячее сердце предотвратить новый апокалипсис?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211109-9

© Рудик А.А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

«Кто был ничем,
Тот будет всем».
Кто победит в военном споре?
Недаром тот грозил углом
Московской брови всем довольным,
А этот рвался напролом
К московским колокольням.
Не два копья в руке морей,
Протянутых из Севера и Юга,
Они боролись: раб царей
И он, в ком труд увидел друга.
Он начертал в саду невест,
На стенах Красного Страстного:
«Ленивый да не ест».
Труд свят и зверолова.

*Велимир Хлебников,
«Ночь в окопе»*

Первая печать – Чума

Йозеф – Койот, образца зимы 1920 года

Мы с Феликсом стояли перед Страстным монастырём. От него до Малого Спасского переулка было всего десять минут неспешным шагом. Однако почему-то мы оба, не сговариваясь, смотрели на угловатый шпиль его башенной колокольни. Меня особенно интересовал висевший чуть ниже открытой звонницы транспарант. На внушительном кумачовом квадрате белыми буквами было выведено: «Отречёмся от старого мира!»

В лунном свете (фонарей в этом районе не жгли) эта надпись выглядела ещё более помпезно и апокалиптически. Каждое слово сочилось народным гневом, и каждое слово давало надежду на то, что вот уже завтра будет совсем не как вчера. Только подумать! Тысячи лет мы жили по давно изжившим себя законам, и вот сейчас, своими руками, а не руками царей и тиранов, мы строим новый порядок. Можно ли было такое представить, ну, двадцать лет назад?

В самом монастыре нынче располагался пункт призыва и склад военного снаряжения. Здесь народ вербовался на борьбу против интервентов, которые ныне были зажаты под Архангельском и уже практи-

чески бежали к себе домой, поджав хвосты. И пусть я уже и устал от бесконечной всепоглощающей войны против всех, отчего и ушёл из Красной Гвардии, меня всё же больше прельщал именно такой вид этого здания.

Церковь была не просто символом того самого «старого мира», от которого мы должны были отречься. Для меня она была куда более личным неприятелем. Всё же во времена царя именно церковники выступили авангардом борьбы с проклятыми вроде меня. Именно с их подачи мы стали изгоями в обществе. Так, Феликс лишился своего скромного дворянского титула. Так я в своё время был вынужден уйти к радикалам-подпольщикам.

Конечно, мы, изгои, чьи тела были изувечены Великим проклятьем, могли бы открыто бороться за своё право на существование. Нас было немало, да и сил у нас хватало. Но проблема в том, что у нас не было общей идеи, да и у церковников, и у царистов были свои проклятые, только назывались они «святые», и силы их укладывались в доктрины о чудесах. Так продолжалось до самой Революции, когда мы наконец смогли поднять голову и поставить свои способности на служение новому миру.

Вспомнив, что я, собственно, всё затягиваю и затягиваю с этим самым «служением», я почувствовал, что пора осмотреть место преступления, и незамедлительно туда направился, а мой напарник поплёлся следом. Пока мы шли, я спросил у него:

- Тебе что-нибудь рассказали о деле?
- Ничего конкретного, ты же знаешь, они меня в детали не очень любят посвящать.
- Тебя они хотя бы во что-то посвящают.
- Ну, я сейчас знаю только базис. Убитый был профессором из царской институтской интеллигенции.

КОМНАТА БЕЗ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

Звали Шариков. Жил в своей квартире, которая недавно была «уплотнена». Чем занимался в последние годы, у нас информации нет. До Великой Войны занимался вопросами проклятий.

— Поэтому Особый отдел так в нём заинтересован?

— Думаю, да. Будь это обычное убийство, нас бы не привлекли.

— Ну посмотрим.

Мы подошли к довольно новому дому, под номером четырнадцать. Он был построен пару-тройку лет назад и потому выглядел несколько презентабельнее соседних. Войдя в подъезд и поднявшись на второй этаж, мы постучали в массивную деревянную дверь. Спустя пару минут копошения на той стороне нам открыла пухлая свинка в ночнушке и с керосиновой лампой в руках:

— Кто такие?

— Особый отдел ВЧК, по поводу убийства товарища Шарикова, — сказал я.

— Не сильно вы торопились, — произнесла хрюшка.

— У нас не так уж и много специалистов сейчас. Все на фронте.

— Ну хорошо хоть сейчас пришли. Пройдёмте... — Она пригласила нас внутрь и тихонечко зашагала по тёмному коридору.

Остановившись у снесённой с петель двери, женщина пропустила нас вперёд. Мы вошли в маленький кабинет, где на пушистом ковре раскинулось тело пожилого мужчины. Сам ковёр был слегка окрашен уже засохшей кровью.

План действий был довольно прозаичным. Пока мой коллега осматривал труп, в чём был более компетентен, чем я, мне было необходимо опросить предполагаемую свидетельницу. Поэтому я вновь заговорил со свинкой,

АРТЕМ РУДИК

стараясь не слишком сильно повышать голос, чтобы не разбудить остальных жильцов:

— Кем вы являетесь?

— Я? — Свинка нахмурилась. — Ну вроде как я его прислуга. Хотя... теперь я вроде вполне свободная женщина и просто помогаю старику. — Она почесала подбородок. — Пожалуй, это зависит от того, кто победит в гражданской войне.

— Вы в этом не уверены? — Я с прищуром посмотрел на неё, чтобы слегка вывести из равновесия и заставить проговориться о большем.

Но она осталась невозмутима:

— Уверена. Я думаю, это будут наши.

Кого она имела в виду под «нашими», я так и не понял, но ответ этот был достаточно бескомпромиссен, чтобы я бросил попытки подобным образом расшатать её спокойствие и перешёл к конкретным вопросам.

— Ладно, поговорим о насущном. Когда его нашли?

— Под вечер. Он заперся у себя с самого утра и совсем не отзывался. Мы забеспокоились и решили вынести дверь. Так и нашли его. Сначала вызвали милиционера. Он тут всё посмотрел, а потом вы пришли. Больше никто и ничего внутри не трогал.

— Совсем никаких шумов не было?

— Нет. Он как зашёл, так и затих.

— Кто и когда последний к нему заходил?

— Кажется... — Она вновь почесала подбородок и задержалась с ответом, будто бы думая, о чём ей стоит говорить, а о чём нет. — Вчера к нему приходил его бывший ассистент, Заречный Павел.

— В котором часу?

— Я уж и не помню... — Она отвела взгляд.

КОМНАТА БЕЗ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

— Покойный практиковал как врач, верно? — спросил я, с порога комнаты приметив лежавший на ореховом столе стетоскоп.

— Да... — вновь неуверенно произнесла моя собеседница.

— Значит, наверное, у него должна была быть книга приёмов?

Она помялась на одном месте и нервно притопнула ногой. Я продолжал наседать:

— Могу я её посмотреть?

Она неловко кивнула и стала удаляться куда-то в глубь квартиры, но на мгновение замешкалась, когда я ее остановил грозно сказал:

— Если там сейчас не будет страницы или последние пометки будут замазаны, то я вас арестую за препятствование действиям органов советской власти. Ну так, мало ли вы решите сейчас сделать что-то, о чём потом пожалеете.

Не ответив, свинка быстрым шагом проследовала в, по всей видимости, свою комнату, и оттуда послышался отчётливый звук перебирания всякого хлама. Чтобы у неё было меньше желания совершать опрометчивые действия, я последовал за ней и встал на пороге уже её каморки. Вскоре она достала книжку в толстом кожаном переплёте и дрожащими руками передала мне.

Я пролистал жёлтые страницы, сверху донизу расписанные именами и датами, вплоть до самых последних страниц. Там, вчерашним числом, действительно числился гражданин Павел Заречный. А вот уже сегодня утром была интересная запись: «Девять часов, Матфей».

Я вопросительно посмотрел на женщину, скрючившуюся напротив меня:

— Значит, никого не было сегодня? А не вы ли вписали посещение мертвеца неким Матфеем?

АРТЕМ РУДИК

- Я.
- Кто это такой?
- Я не знаю... — Она стыдливо потупила взгляд.
- Но вы же это и записали, разве нет?
- Доктор Шариков меня попросил после того как встретился со своим коллегой, с Павлом.
- И? Что было дальше?
- Этот Матфей не пришёл. Вернее, я никого вчера не видела из посетителей доктора. Он заперся, и всё тут.
- Другие соседи подтвердят эту информацию?
- Вместо ответа женщина легонько несколько раз кивнула головой.
- Хорошо, когда они просыпаются?
- Часам к восьми.
- Отлично, я их опрошу. А пока скажите, где я могу найти этого Павла? Если уж о Матфее вы действительно ничего не знаете.
- Кажется, он живёт в другом конце города, на Пречистенке, в доходном доме.
- Ладно, мы туда съездим.
- Может... — с придыханием обратилась она ко мне, будто бы желая задобрить, — вы останетесь ночевать у нас? Правда, свободная кровать только одна, профессорская, но я могу...
- Нас устроит. Мы осмотрим комнату, а затем проведём оставшуюся ночь у вас.

Печать первая — Феликс — Кадавр с чёрным сердцем

Пока Йозеф общался с не самой приятной дамочкой, я осматривал труп. Седой пёс распластался на ковре, широко раскинув сухие руки и ноги. Он был одет в до-

КОМНАТА БЕЗ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

вольню приличный атласный жилет, со строчкой брюки и белую рубашку, будто бы готовился к какому-то важному приёму.

Но теперь его костюмчик едва ли можно было надеть на какое-нибудь светское мероприятие. Не только потому, что он был бы снят с трупа, но и потому, что все элементы одежды были пропитаны кровью до состояния мокрых красных тряпок. А на рубашке, в районе груди, был огромный разрез.

Вероятно, удар был нанесён довольно широким клинком, вдобавок ещё и острым, ведь пробраться за рёбра не так-то и просто. Я расстегнул пуговицы, обнажив место удара. Чуть левее от центра груди и, соответственно, раны красовалась чёрная пузырчатая опухоль. Прямо там, где должно было быть сердце.

Это интересно, так как не часто встретишь среди людей, близких к высшему свету, подобные «чёрные» виды проклятий. Обычно люди с такими дефектами были крайне стигматизированы и изгонялись...

При мысли об этом я непроизвольно почесал свой собственный «демонический глаз». Из-за него, из-за которого я лишился всего, что имели мои предки. Кто знает, если бы не он, может быть, я был бы на другой стороне баррикад в этой войне...

Конечно, изменённое сердце проще спрятать под одеждой, чем глаз или руку, но неужели никто не видел этого дефекта, ну допустим...

Я посмотрел на его безымянный палец. Затем прошёлся взглядом по стенам. Ни обручального кольца, ни фотографий с морских каникул... Видимо, он отказывал себе во многих радостях жизни, чтобы сохранить тайну. И стоило ли оно того? Особенно теперь, когда наличие или отсутствие подобных отметок больше ничего не значит? Впрочем, не мне судить.

От мыслей о прошлом я вернулся к уликам. Перевернув старика на живот, я смог наблюдать на спине второе отверстие. Видимо, клинок, убивший его, был не только широким, но и длинным. Прямо настоящий меч. Неудивительно, что хватило всего одного удара, чтобы сразить беднягу, перебив сосуды, примыкавшие к сердцу.

Судя по характеру раны, клинок был односторонним и довольно прямым, вроде палаша. Но кто, чёрт возьми, сейчас будет пользоваться палашом? Их уже лет пятьдесят, если не больше, не использовали нигде... кроме Первой Гвардейской Дивизии. Но, во-первых, этой дивизии уже три года как не существует и найти её бывших членов крайне проблематично. А во-вторых, кто, чёрт возьми, будет убивать свою жертву парадным оружием?

Хорошо, отложим этот факт в памяти. Может быть, удар был нанесён и не палашом, но чем-то очень на него похожим. Возможно, мы сможем найти оружие, только когда найдём преступника. Так что это, можно сказать, не слишком хорошая зацепка.

Но как наш призрачный кирасир попал в комнату? Из разговора я понял, что дверь выбили уже после того, как старик был убит. Значит, преступник зашёл не через дверь. Из вариантов оставалось окно. Оно было достаточно большим и выходило на переулок. Выглянув наружу, оценил расстояние до брусчатки. Второй этаж — это, конечно, не высоко, но зацепиться снаружи было особо не за что. Значит, убийца мало того, что был достаточно сильный, чтобы с мечом весом в несколько килограммов подтянуться и забраться в окно, но ещё и оказался высоким и ловким, чтобы всё проверить незаметно.

Или же всё это неверно, и он использовал лестницу или что-то вроде того. Может быть, подогнал высокую повозку или даже автомобиль под окно. Хотя скорее

КОМНАТА БЕЗ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

повозку, какой-нибудь грузовик был бы слишком заметным. С тем же успехом можно было с силой пробиваться через центральный вход.

Но кому пришло в голову устроить такую странную авантюру? Нужно учесть слишком много факторов, в том числе, собственно, наличие доктора в его кабинете в тот момент, когда к окну была подогнана повозка. Для этого неплохо было бы иметь сообщника и недюжинную удачу.

А что, если он попал в комнату не через окно? Что, если он уже ждал доктора внутри, когда тот заперся? Тогда, должно быть, он мог прийти в любой момент, и надо бы расспросить об этом местных. Но всё же версия о гусаре-акробате мне нравится несколько больше. Просто потому, что это было бы забавное развитие событий.

Как мне довелось выяснить на собственном опыте, жизнь любит удивлять в подобных случаях, а потому самые невероятные варианты иногда стоит проверять в первую очередь. По крайней мере, очень часто их можно быстро отбросить и идти дальше.

— Ну что, как очередной буржуазный враг встретил свой конец? — спросил меня внезапно появившийся в дверях Йозеф.

Койот, кажется, что-то да откопал. По крайней мере, это можно было понять по его довольной улыбке.

— Его убили мечом, причём довольно необычным. Палаш или что-то вроде того.

— Время смерти подтверждается? Его действительно убили утром?

— Ну, судя по замутнённым глазам и иссохшим слизистым, можно сказать, что действительно прошло где-то полдня. Но не больше.

— Что-нибудь ещё узнал?

— Ну он был довольно одиноким. А ещё был проклят.